

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 45

1968

Николай ГРИБАЧЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 45

Николай ГРИБАЧЕВ

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва, 1968

Николай ГРИБАЧЕВ

Николай Матвеевич Грибачев родился в 1910 году в селе Лопушь, Брянской области. Отец — крестьянин-бедняк.

Н. Грибачев учился в сельской школе, затем в школе крестьянской молодежи. В 1930 году окончил техникум по гидротехническому отделению, работал в изыскательских и строительных партиях в Карелии. С 1938 года — на газетной и литературной работе.

В 1939 году участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию; зимой 1939/40 года — на финском фронте; во время Великой Отечественной войны командиром взвода участвовал в боях под Москвой, командиром саперного батальона — под Сталинградом, дивизионным инженером гвардейской дивизии — на Дону. С середины 1943 года — спецкор армейской газеты.

Член КПСС с 1943 года.

Вышли книги стихов: «Северо-запад» (Карелия, 1935), «Стихи и поэмы» (Смоленск, 1939), «По дорогам войны» (Смоленск, 1946), «В походе» («Советский писатель», 1948). В 1947 году Н. Грибачев написал поэму «Колхоз «Большевик». В 1948 году напечатана поэма «Весна в «Победе». В последующие годы изданы: «Дорогие земляки», «Непокоренная Корея», «После грозы», «Раздумье», «Сталь и моль», «Черное — белое», «И ветер с четырех сторон», «Женевский репортаж», «Семеро в Америке», книги рассказов «Августовская гроза», «Любовь моя шальная».

Награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды.

КОГДА ПРИХОДИТ ЛЮБОВЬ

Совсем случайно, в перерыве
Каких-то очень спешных дел,
Я увидел тебя впервые,
И вздрогнул, и похолодел.

И взгляд мой, как на стену света,
На серый твой наткнулся взгляд,
И обломалась сигарета,
И спутал пульс мой ряд и лад,

И сердце сразу, не противясь,
Предупреждая вздох и крик,
Как бы порвав какую привязь,
К тебе рванулось напрямик.

Не май стоял, а осень лисья,
Был лучший срок, разгар поры,
Когда раскатывались листья,
Как самаркандские ковры,

И ветерок, смешной ребенок,
Сдувал туман с холодных вод,
И весь до елочных гребенок
Сочился синью небосвод,

И, о былом не сожалея,
Надел подлесок не один
Рубиновые ожерелья
Располюхавшихся рябин.

И в этой сини, в этой раме,
Заворожив до немоты,

С твоими светлыми вихрами,
С твоими серыми глазами
Над самаркандскими коврами
Шла ты, все ты, повсюду ты.

Твое вставало отраженье
В стекле и на речной волне,
Ветров и облаков движенье
Тебя напоминало мне,

Ты из рассвета выходила
И, улыбаясь, шла в закат,
Тобой молчанье ночи было
И в безднах неба звездопад.

И даже дали были схожи,
Когда пьянело солнце в лоск,
С прохладной розовостью кожи
И бронзоватостью волос.

И я, угрюмоватый прежде,
Не раз объезженный тоской,
В иной, утроенной надежде
Влюбился в шумный род людской,

В тех, кто ломился в мирозданье,
Резец по стали торопил,
Пахал поля, и морем плыл,
И с небом назначал свиданье
Под переплетами стропил.

Я славил их за чудо это.
Что ты из их тепла и света
Сама в себя воплощена,
Что добротой их согрета
И чистым сердцем им равна.

Я всем готов был поклониться
За каждый шаг твой, смех и вздох,
Я, глядя в милые их лица,
Мог с ними жизнью поделиться
И лишь одной тобой — не мог!

ЦЕЛЬНОСТЬ

На стеклянной ветке зимней ивы
Раннего заката переливы,
Легкая бахромка кружевная,
В трещине — козявка неживая.

День — и потечет дымком да чадом
По сугробам, мартом не початым,
Тронь — и отлетит неотвратимо
За синицей, промелькнувшей мимо.

И стоишь ты, как перед загадкой,
Перед красотой этой краткой
И решаешь: почему тревожит
Душу, хлопот полную, быть может?

Не ищи короткого ответа:
Часть тебя, часть жизни ветка эта,
Твоего, хоть в нем не все знакомо,
Уходящего под звезды дома,

Искра в пламени воображенья
И патриотического чувства,
Вдохновляющего в час сраженья,
Воплощаемого в час искусства!

МАСТЕРАМ НАВЕТОВ И НАПРАСЛИН

Я не повинен в зависти.
И в лести.

И в пересудах.
И во лжи.

И если
За прямоту мне в спину иногда
Молва швыряла грязью — не беда.

Перетерплю. Один такой я, что ли,
Чтоб киснуть, уподобясь молоку?

Лжецы уже немало перетерли
Имен на пыль и нервов — на муку.

Но вы, чей суд облыжен и заглазен,
Вы, мастера наветов и напраслин,
От гнуса, в коей столь изощрены,
Надежно ль сами-то защищены?

Подумайте. Пошарьте. Поищите.
Считите бреши в круговой защите —
Ведь, как волка за курицу лиса,
Лстец продает лстеца
И лжец — лжеца!

ЗАРИСОВКА

Зной свалился, день пошел к упадку,
В листьях сада холодеет сок,
Облако растрепанную прядку
Зачесало роце на висок.

Тропки потемнели. Конопляник
В улицу вливает блинный дух.
Желтый блик — обсахаренный пряник —
На стекле погрелся и потух.

Пыль осела за колхозным стадом,
Пес облял тишину двора,
И антенна — с аистами рядом —
В репродуктор голос подала.

Жизнь села намаялась, напелась,
Натрудилась в поле и нажглась.
На душе покой и разомлелость,
Отдыха целительная власть.

И отходят мелкие тревоги,
И накатывают волны сна,
И костром, что брошен у дороги,
Тлеет заходящая луна.

ОБ ОДНОМ ПРИЯТЕЛЕ

Мой приятель со смаком плачется,
Все подводит под строгий суд:
То ему не по службе платится,
То его не по чину чтут,

То красивая, будто вещь она,
И ее сбережет замок,
От него отдалилась женщина,
Уплыла, как из рук дымок.

Я смеюсь: ничего опасного,
Проживет и такой сто лет,
От брюзжания его всечасного
Для планеты убытка нет.

Только, видно, ему обещана
Преждевременная зима —
Если с ним заскучала женщина,
Заскучает и жизнь сама.

ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ

Не в стороне,
А на ветру стою,
Не забиваюсь в щель при непогоде,
Не признаю
Подыгрываний моде,
Суда мещан не признаю.

И над любой критикой прострельной,
В которой их искусны языки,
Не подсюсюкну
Лирикой постельной
И не сыграю правдой в поддавки.

Уже не раз охаян и оболган,
Слышавший улюлюканье и свист,
Я,
Словно верующий перед богом,
Перед моим народом
Сердцем чист!

А если где-то выпил не к поре
Иль женщиной залюбовался стройной,
Так я еще
Не прах заупокойный
И не монах в монастыре,

Не электронный механизм, не робот,
В котором жизнь и воля не своя.
Во мне живет
Атак накал, и топот,
И шорох трав, и пенье соловья.

Я свист пурги люблю, и летний зной.
И майский гром, и женских глаз сиянье,
И дерзостное
Чувства состояние,
Когда как будто крылья за спиной,

И яростные поиски ума,
И мускула в работе напряженье,
Когда тебя
В работу и сраженье
Бросает революция сама.

Я жизнь мою, всю в целом, до конца
Отдам ее свершеньям, если надо.
Но мне чужда
И пошляка бравада,
И ханжеская проповедь скопца,

И тот унылый и тлетворный дух
Торгашества, интриги, драки склочной,
Когда поклон и величанье вслух,
А вслед —
Навет,
Как в спину нож отточенный.

Что делать мне в болоте этом душном?
К чему торить по серой хляби след?
Я жить хочу
Под ветром,
Жарко дующим
В земной наш мир уже с других планет.

Я к тем спешу, открытым, ясным, честным,
Кто знает цену дружбе и труду,
Я им служу,
Известным и безвестным,
Их предаюсь
И верю их суду.

И потому, в каком ни есть краю,
Своею ли иду, чужой ли далью,
Приветствую,
пою
и утверждаю
Под красным флагом
Родину мою!

ФОРЕЛЬ

Гром отрычал с вершины голой,
В траву скатилась птичья трель.
По летней мути в речке горной
На черт-те что берет форель.

Снасть не хитра и всем понятна,
Прием не сложен и не нов,
Но вот просчет — и нет обратно
Пути к волне меж валунов.

И леска, зная толк в неправдах,
Звенит от смертного рывка,
И через все оттенки радуг
Сползает сумрак на бока.

Лишь ту корит рыбак погоду,
Тогда неприбыльна она,
Когда лучи прорежут воду,
Зажгут и высветлят до дна...

И часто, слыша на собрание,
Как льет противник к трели трель,
Я принимаю во внимание
Неосторожную форель.

В ГРОЗУ И ПОСЛЕ

Был ветер густ и дождь неистов,
Он, завиваясь, бил сплеча,
И, оглушаемая свистом,
Как бы под роком или твистом,
Подергивалась каланча,

И плакал вишенник заморный,
Чья жизнь превратностей полна.
Лишь дуб без лишних церемоний
Опять прикуривал от молний,
Как от кресала старшина,
Подставив листья темноспинные,
Ловил при вспышках искры синие
И жалкой не ронял слезы.
Его страшили только свиньи
По окончании грозы!

С УЛЫБКОЙ И ВЗДОХОМ

1

Не причисляй меня, пожалуйста,
К обиженным — что нет, то нет:
Я не привык канючить жалостно
И лить слезу в чужой жилет.

К тому ж я знаю много больше,
Чем просто случай отпустил:
Когда всплакнулось — то не боль еще,
Боль та, как плакать нету сил.

2

Будь бог —
что у него бы я просил:
Здоровья,
сил
и новых встреч с любовью?

Нет,
только права быть самим собою —
Уж очень мне
холопский дух постыл!

3

Не хожу на бесцельный поиск,
Не ввяжусь в обет и зарок,
Знаю: счастье — курьерский поезд
С остановкой на краткий срок.

Не успев погасить движенья,
Громыкнул, заскользил, помчал
В окончание,
в продолжение,
В ожидание иных начал.

4

Уходит день,
приходит новый вслед.
Так месяц,
год,
и пять,
и триста лет.
Но это — для Вселенной, не для нас,
Мы — смертные,
у нас их мал запас.

Так мал запас, и так велик расход,
Не замечаешь, как сгорает год:
Иди, беги — один конец в итоге —
В дороге жил
и кончишься в дороге.

5

Молод, но, однако, телом сыр,
Плечи рыхлые текут покато,
Памятником сам себе застыл,
Взгляд вперя в небеса куда-то.

Поболтав о разных пустяках,
На сомнение нанизав сомнение,
Сам себе он видится никак
Канта

вкупе с Гегелем
не менее!

6

В беде и радости не лгу,
Но ваших бредней не приемлю:
Я не хочу и не могу
Облаивать родную землю.

Не все в ней в тон и на заказ,
Так делай, двигай понемногу,
А поносителей, ей-богу,
Вполне достаточно без нас!

7

Нет, в позу всепрощенца становясь,
Не жди, что в жизни совершится чудо.
Что оттепель безвременная? Грязь,
Всеобщий чих и детская простуда.

Ее с присловьем «Ишь, как развезло!» —
Равно ругают город и село.
И не калош и не ботинок жаль им —
Жаль, плохо снова будет с урожаем.

8

Отяготив рососою лепестки,
Стоит цветок на просеке в тени.
Под ним — сырые глины и пески,
Над ним — Вселенной взрывы и огни.

Он мал. До поразительности мал.
Ужель он страхи мира понимал,
Когда тянулся на зазывы света?
Нет. Просто жаждал жить и не дремал!

Но если даже так, ну так и что ж?
Лети вперед, живи, пока живешь.
Есть хуже доля, горший вид беды —
Стать на болоте лужицей воды.

Судьбы и времени истица,
 Секунда — звездная частица —
 В заветеревшей тишине
 Слетела искоркой ко мне.

И — нет ее. И, значит, к ночи
Ты стала, жизнь моя, короче,
И миллионами других
Не заместится этот миг.

Я к небесам прикован от рожденья
Тревожной силою воображенья,
И, на земле свой выжигая порошок,
До пепла на душе и у висков,
Я все же побывал в мирах,
которых
Не отыскать и через сто веков!

Что спорить? Я не тот, что был,
И тем, что есть, опять не буду:
К живой воде, слепому чуду,
Наш век дорогу позабыл.

И мне меняться каждый день,
Душой и обликом меняться.
А за химерами гоняться —
И поздно вроде бы и лень!

Я ЛЕСОМ ШЕЛ...

**Почему ночью шумят деревья —
как рассказывал про то мой дед**

Засиделся леший у русалок,
Спохватился: как дойти до дому?
Сушняком тропинки завалило,
Тьма, хоть глаз коли, по бурелому.

У зари спросить бы головешку,
Да не стоит связываться с бабой.
Катится под ноги можжевельник,
Елка бороду хватает лапой,

Дуб расселся прямо на дороге,
Лист перебирает подгоревший.
Пни, болота, кочки, седловины —
Смейся, нет ли, заблудился леший.

А, поди, старуха дома злится,
Грех на грош, а разговору на год —
Бродишь, дескать, блудень по яругам,
Нализался забродивших ягод.

Что старуха, что сорока — ровни,
Но, однако, с бабой хуже шутки:
Птица потрещит и смолкнет к ночи,
А старуха заведет на сутки.

Прадеда пришьет, припомнит деда,
Приплетет что надо и не надо.
Скажешь слово — как горох об стену
Стукнется да и летит обратно.

Ночь все глуше, и, куда ни ступишь,
Шорох, хруст, сопенье за плечами,
Будто все деревья оживают
И кочуют по лесу ночами.

Раньше мы боялись этой тайны,
А теперь ее узнали: это
Старый леший, потеряв дорогу,
Ходит и вздыхает до рассвета.

Ты пригубила зелья в хате колдуна

Куролесье елки и сосны,
Мох, с ветвей свисающий кудлато.
Говорят, что жили колдуны
В этой сонной суете когда-то.

Темный сруб, прислепшее окно,
Черный кот, опухший от безделья,
На год разных трав запасено
И в бутылке — дьявольское зелье.

И порою, им опоена,
Во хмелю веселого угара,
Жениха бросая, не одна,
С первым встречным девка убегала.

Вот и ты взяла да и ушла,
Обожгла и сбила сердце с лада.
Ходит ветер, травы вороша,
Ищет след, а мне следов не надо.

Знаю, что пропажи не найти,
Ни к чему кричать — не отзовется,
Частый ельник встанет на пути,
Под туманом речка разольется.

Видно, в час, когда зашла луна
И подмоги не дозваться было,
Забрела ты в хату колдуна,
Дьявольского зелья пригубила.

Элегические размышления в зимнем лесу

Лес снегами засыпан,
 заваян,
 завален,
Жидкий зимний рассвет на рябине заварен.

Снегири на кустах — огоньки без причала.
Пожилилась сосна — на ветру укачало.

Отмерла надо льдом и споткнулась осока...
Все горит до поры, все сияет до срока!

**Повела ты меня через чащу,
загадала загадку**

Глазками стрельнула: «Тут короче!»
Повела лужками, рошей, чашей.
Сумрак — словно в полдень дело к ночи,
На дубу дупло — как рот кричащий;

Над густой листвою недвижим воздух,
Старый клен крапиве шлет проклятья,
Вниз стекают ветви на березах,
Как на девках ситцевые платья.

Мухомор доверчивых букашек
Угощает молоком и ядом,
Словно пень, рогами изукрашен,
Старый лось храпит и дышит рядом.

Бурелом. Малинник. Непролазно.
Мох. Вода, бормочущая глухо.
Кто-то, чудится, глядит в три глаза,
Кто-то слушает в четыре уха.

Вот тебе и на! В двадцатом веке
Окружают, обступают страхи,
Вздрагиваешь от касанья ветки,
От луча, блеснувшего во мраке.

И при тайне этой непочатой
Спрашиваешь сам себя в запарке:
Ну, а ты откуда здесь и чья ты?
Дочь колдуньи? Лешего? Русалки?

Для чего я, как заговоренный,
За тобой бреду в туман зеленый?
Почему, как засмеешься жарко,
Сердце выну и отдам — не жалко?

Только в поле с рожью золоченой,
Где спадает колдовство и магия,
Ты простой становишься девчонкой
В желтых босоножках из раймага.

И, от наваждений отдыхая,
Я ищу, ищу, ищу ответа:
А на самом деле ты какая?
Лето знает — да не скажет лето!

**О сороке и человеке,
который приходит в лес без ружья**

В славе сплетницы, а не пророка,
По молве негромких наших мест
Что частишь ты по кустам, сорока.
Что трещишь, пугая всех окрест?

Он пришел без пороха в патроне,
Человек, доживший до седин.
Здесь когда-то воевали трое,
А остался на земле один.

Двое же, чьей жизни изначально
Возвращаться из туманной мглы,
Что-то шепчут ветками печально,
Тихо плачут каплями смолы.

Шелестят листвою, припав на плечи,
Ручейком бормочут немудрым...
Как понять значение этой речи?
Рассказать о жизни неживым,

Что утратил больше, чем осталось?
Что дружья давно наперечет?
Что все чаще, сонная под старость,
Память сердца в прошлое течет?

Как жилец по истечение срока,
Скоро сдаст и он свои ключи...
Помолчи, пожалуйста, сорока,
Сплетница, трещотка, помолчи!

Сорок лет меня гонит тревога —
Сорок лет!

А отбоя все нет.

Ручью, который с трудом продирался через лес

Не жалуйся на трудный путь, ручей,
На тень ветвей,
на темноту ночей,
На то, что лоси пьют,
что садовод
Для яблонь воду из тебя берет,
Что кто-то камнем расплескал круги.

Не жалуйся.

Спеши, ручей! Беги!
Вот если остановишься — беда:
Под ряской скиснет

темная вода
И посреди куги и камыша,
Окончив бег,
умрет твоя душа.

Полюбите моих сынов

От лесного шума усталость,
Зелен ветер, и свет, и цвет.
Мне немного пройти осталось —
Десять, может, пятнадцать лет.

Я хотел бы все лесом, лесом,
Чтоб костры зажигать ночам,
Прикрываясь плащом небесным
По озябшим в росе плечам.

Жизнь моя закрутилась туго —
Отпустить бы ее узлы
Там, где голос птицы и друга
И малиновый всплеск золы.

Только это мечты да бредни,
На пустом току молотьба:

Нет ни прав у меня, ни времени
Убежать от тебя, судьба.

Что поделать? Не принуждали,
Сам продумывал до основ...
До свиданья, лесные дали,
Полюбите моих сынов!

«ЕХАЙ, ЕХАЙ...»

Есть в жизни нравы разные: клопа,
Орла в полете, жабы на болоте.
Был сумрак, дождь, и ветер, и крупа,
И заносило «газ» на повороте.

Ни то ни се. Ни осень, ни зима,
Когда себя не узнает округа.
Качались сосны, шапки заломя,
Наваливались грудью друг на друга.

А на дороге женщина. Одна.
Сутулая. До глаз в намокшей шали,
Из-под которой струйкой седина —
След долгих лет, безгласный крик печали.

Что за нужда ее сквозь лес гнала?
О чем ей думалось в такую пору,
Когда ненастье, отверзая прорву,
Закусывало к ночи удила?

Кто знает! Мы и сами для себя
Порой не можем дать во всем отчета
И в неудаче плачемся: «Судьба», —
И валим все на случай или черта.

Да мы и не спросили. Но едва
Мы поравнялись с ней, меся грязюку,
Она приподняла худую руку —
При этом жесте не нужны слова.

Но толстячок, что всю дорогу сплошь
Ругал погоду и дымил «Казбеком»,
Толкнул шофера локтем:

— Ехай, ехай,
Их, побирушек, всех не подберешь!

Бывает, знаю сам, что ни верста,
То вверх рука и в душу выстрел взгляда,
Хотя иной дурит из озорства,
Когда ему с версту и ехать надо.

Тут и не пробуй собирать подряд,
На сорок верст полдня нужды и траты,
А ведь и сам в делах уже с утра ты,
И планы синим пламенем горят.

Да ведь никто на десять верст пешком,
Стуча в сырую землю посошком
И кланяясь то рощице, то логу,
Уже теперь не ходит, слава богу.

А если выпал дальний интерес
На рынок или на какой-то «форум»,
В любом колхозе потолкуй с шофером —
И, смотришь, сыщется попутный рейс.

Но этот случай в общий ряд не лез —
И женщина стара, и зла погода,
И по грязице девять верст до города,
И лес кругом,
в дожде и свисте лес.

Однако ж толстячок, хотя ему
В один конец машину эту дали,
Был в некоем начальственном ударе
И малость выпил ко всему тому,

И хоть смешно, а мне напомнил он
Известного в дворянстве мещанина,
В ком глупости и спеси мешанина —
Обычный хвост павлина из ворон.

— Ты ехай, ехай! — нажимал толстяк,
Заметив, что шофер сбавляет скорость,
И скаты вместе прыгали и порознь
На корневищах, как на чьих костях.

И женщину в помятой темной шали,
Что вышла в путь, наверно, неспроста,
Размазывали все и уменьшали
Крупа и дождь, к полуверсте верста.

И вдруг шофер, сопя, как снег под мартом,
Притормозил, пошел на разворот
Так, что трава и кустики вразлет,
И шум воды по колеям промятым.

Толстяк — в бутылку: — Опоздаем к часу!
Самоуправство! Доложу начальству!..
Но, словно лошадь под уколом шпор,
Озясь:

— А мне плевать! — сказал шофер.

И после чуть: — У нас своя есть совесть —
У нас, хозяев нынешних дорог!
Скрип тормоза и мокрой дверцы вздох.
Вздых женщины. И с тем в исходе повесть.

Молчала женщина. Молчал шофер.
Молчал толстяк, глазами в мглу врастая,
И облака, под ветром не истаивая,
Неслись на аварийных скоростях.

ТИШИНА

В безветрии над скорбным гробом дота
Слетает пожелтевшая листва.
Здесь не увидел часа торжества
И встречи с другом не дождался кто-то.
И словно бы еще рождает стон
Обрушенный снарядами
бетон.

И словно бы убитый, павший тот,
Приписанный давно к бессмертной роте,
Безгласно окликает: «Кто идет?» —
И спрашивает:
«Как дела на фронте?»

Ну что ж, приветствую тебя, солдат!
Ты кончил бой и все свершил, как надо,
И спишь
под пересверком листопада,
Не получив заслуженных наград.

И плачем мы над той, что сражена,
Душой
и от живой отводим жало.
И тишина повсюду, тишина —
Ни выстрела,
ни вскрика,
ни пожара.

Стекает солнце с желтого листа,
Сухая паутина тянет с юга,
И осень —
допотопная старуха —
На рыжих листьях дремлет у куста.

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

Где что нас ждет! Неведомо заранее.
Приметы врут, как шагу тонкий наст.
Мы встретились у Лувра,
в ресторане.
Официанта старого старания
И легкий хмель свели в беседе нас.

Улыбка,
взгляд,
вопрос,
волнением скованный
Смешок: «У Сены — запах не сенной».
Вы,
новый русский,
свой и незнакомый —
Не знали вы, что делали со мной,
Не понимали, что, моряк без лоции,
Ищу на ощупь
ток родной реки.
Мы с вами, как я выведал, орловцы
И, стало быть,
хоть в прошлом
земляки.

Но, дворянин с закваской бар в породе,
Был я для вас музейных чучел вроде,

И на зондаж о новостях Москвы
Вы засмеялись:

«Ваше благородие,
Там вечно революция, увы!»

Мне ж показалось — закачались люстры, и
Слеза печали в рюмку со щеки.
Не этой, нет, — той давней революции
Увидел я

чубы на травах русые,
Костры, теплушки, звезды и штыки.

Припомнил все, что трчено,
чем плачено,
Что на посев ушло и что —
в распыл.

Я чувствовал —
уйдете, и заплачу я,
Но перед вами — не посмел и пил.

И вы ушли. У вас ведь спешка,
спешка! —
Уехали к семье, к друзьям, к делам.
Моя ж душа — в рубцах, босая, пешая —
Бредет по отчим рощам
и полям.

И я пишу — вы адресок оставили, —
Пишу без всяких вывертов и врак
Не для того,
чтоб плакаться в бесславии,
А чтоб сказать:
я больше вам не враг!

Шторм революции!.. Все слышу
явственно,
Как меж обломков всяких
и осколков,
Трясется
колымага

государственная
По бездорожью гатей и проселков —
Не где-то, не у Зимнего дворца,
А в нашей сельской местности невзрачной,
Что с будущим в союз вступает брачный
И — страх нам в душу, гвозди нам в сердца;

Как, выбитые из старинных гнезд,
Хватая,
 что на глаз попались,
 вещи,
По всей округе мечутся помещики,
Бегут к «своим»,
 а те, что чуть промешкали,—
Так и прямой дорогой на погост.

Все, все, как есть,
 разворотили к черту вы —
Хозяйство,
 службы,
 мысли,
 чувства,
 быт,

Чтоб над страницами,
 уже зачеркнутыми,
Писать другие с жертвами несчетными
Под лязг штыков и цоканье копыт.

Чтоб кукиш и земному и небесному
Царю,
 и всем,

 кто в том ряду, иным.
А я меж этих сил
 болтался без толку,
Своим во все неверием гоним.

Боялся красных. Что в раю их лапотном
Меня могло растрогать и увлечь?
Зипунный дух
 по царственным палатам?
Корявая на сельской сходке речь?

Горластый ор,
 чтоб атеиста Маркса
Заместо Спаса — на иконостас?
Я знал:

 он плох,
 наш мир чинов и каст,
Но лучше ль тот,
 где станет править «масса»?
Как мог я с ним смириться?

Как бы смог,
В Чайковского влюбленный,
приохотиться
В театре слушать скрип
смазных сапог

И:
«Ох, яблочко,
Куда котисся...»?

Как мог, когда уже под горло беды,
Поверить я,

что,
«выйдя из оков»,
Какие-то «совдепы» и «комбеды»,
Какие-то «наркомы» и «полпреды»
Дадут

стране
порядок и закон,

Что Ленин,
для меня в то время «некто»,
Чья вся наука — ссылка да тюрьма,
Зажжет светильник интеллекта
В стране,
где свалка,
грязь и тьма?

Потом и я, смутясь душой немало,
Был в Лонжюмо.
Но, что там ни пиши,
Безмолвной чинностью мемориала
Не заменить лица,
ума,
души.

Он для меня явился неопознанно,
Равнявший всех,
не равный никому.
Теперь мне переучиваться поздно,
Да я ведь
и ненадобен ему...

В одном признаюсь —
тяжко, стыдно мне
На склоне лет судить себя открыто,

Копать себя, как некое корыто,
Где месиво

с краями наравне.
Ведь все мы — так ли, сяк — заражены
Болезнью спеси и, как прокаженные,
Места, недугом пораженные,
От друга прячем и жены.

Открыться — словно бы раздеться,
Бесхитростным бывает
только детство,

А чуть заматерел —
И призамолк,
И на душу запор
Или замок...

Но — к делу.
Где ж искал я силу? В белых,
Забыв, что рыба тухнет с головы?
Я после с ними был
в стамбульских бедах —
Аверченко почитывали вы!
А правда злей, чем книжки или слухи:
Там не мосты лишь за собою жгли,
А ум и честь.
И шли княгини — в шлюхи,
И офицеры в сутенеры шли.

Все сгнило в них,
рассыпалось, истлело,
Тонуло в хлябях, тину пузыря,
И лишь холеное визжало тело:
«Жить! жить!» —
многоголосием зверья.

Мне жалко было их.
Не каюсь — жалко:

Одно —
когда колосья режет жатка,
Другое —
если земляков изгнание.
О, никогда не приведи вам бог
Такой
ценой
приобретать познания

Чужих наречий и чужих дорог!
Не дай вам бог, покинув отчий дом,
Закреть назад все двери
и ворота

И стать убийцей
собственного рода,
Пустым зерном
на колосе пустом!

Они, те, «белые», за все сполна
Платили, но — все мало,
мало,
мало:

Родная их забыла сторона,
Чужая их талантов не признала.

Вы на себя в своей стране радуете,
А что они?

На пересохшей дельте
Камыш, что время косит — жик да жик:
К чужим побегам привиты
их дети,

Чужое дело делают на свете
И говорят на языках чужих.

Им надо жить потише, попокорнее,
Стой посмирней, сядь, где укажут ряд.
Пройдут года, и прахом
станут корни их,
И ветки их родной забудут сад.

И там, в Стамбуле, где жаровень чад
Свивался, как дымок в курильне идола,
Я так решил, что ураган зачах,
Что девка-Русь
за недотепу выдана,

Что из противоборствующих сил
Одна сгнила, другая не созрела,
Что зря
заря
на новом небе рдела —
Был близок рай, да бог не допустил!..
Конечно, вам это смешно. Еще б!

И я,
 когда б
 не дряблость мятых щек,
Когда б к тому ж
 и жил в Замоскворечье,
Смеялся бы.
 Ах, как смеялся б я
Над этой сверхнесовременной речью,
Над этой
 глупой шуткой бытия.

Ведь вы теперь богаты. И, похоже,
Не занимать ни денег, ни ума,
Ни меж людей почета —
 в космос вхожи
И на земле единоверцев тьма,
Что,
 может быть,
 всех прочих благ дороже.

На вас кивают даже: «Зажирели
И как, мол, знать,
 что миру ждать от них —
То ль
 новый некий
 выдумают миф,
То ль бриллиантовые ожерелья
Наденут на доярок и портних».

Пусть брешут. Вам —
 привычнее привычного
И свист глупца
 и звон пустомолвы.
А я молю с повинной головы:
Пусть вам воздастся милостью всевышнего,
В которого не веруете вы.

За все! За то,
 что в муке и разрухе
Растерянно не уронили руки
За то, что в годы бедствий
 и развала,
Когда кругом обломки да зола,
В вас
 новая Россия вызревала

И к жертвенному подвигу звала,
Что всю как есть Отчизну сберегли
И по планете славой прошумели.
Не понимаю — как, но вы смогли,
Не постигаю, нет, но вы — сумели!

А я... Я что ж!

Я стар и одинок,
Родился под Орлом, умру в Париже.
За мной идет старуха — ближе, ближе;
Уже у двери,
пальцы — на звонок.

Да и пора.

А вы в своей России,
Которую из гроба воскресили,
В какой-нибудь вечерний тихий час
Простите

наше горькое бессилие,
Раскаявшихся,
помяните нас!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Когда приходит любовь	3
Цельность	5
Мастерам наветов и напраслин	5
Зарисовка	6
Об одном приятеле	7
Откровенно говоря	7
Форель	9
В грозу и после	10
С улыбкой и вздохом	10
Я лесом шел...	14
«Ехай, ехай...»	20
Тишина	22
Письмо из Парижа	24

Николай Матвеевич Грибачев
ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

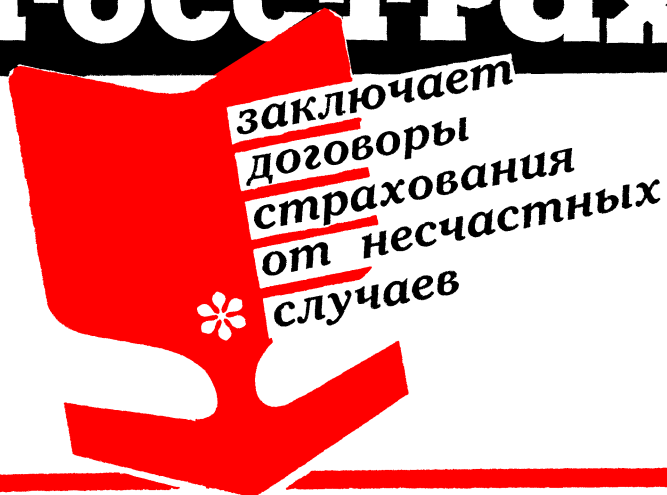
Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

Технический редактор Я. Б о р и с о в.

А 00512. Подписано к печати 25/XI 1968 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 1,40 условн. печ. л. 1,55 учетно-изд. л. Тираж 81 250.
Изд. № 2232. Заказ № 2675. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ГОССТРАХ

с гражданами от 16 до 70 лет на срок от 1 года до 5 лет. Страховая сумма выплачивается при постоянной утрате общей трудоспособности или смерти застрахованного от несчастного случая

Страховой взнос уплачивается сразу за весь срок вперед и устанавливается в зависимости от профессии страхователя и рода производства, где он работает, в размере от 25 копеек до 1 руб. 20 копеек с каждых 100 рублей страховой суммы в год.

Инспекция Госстраха имеется в каждом районе

Агента Госстраха можно вызвать к месту Вашего жительства или работы.

Главное Управление государственного
страхования РСФСР